

М. В. Берендеев

ДИСКУРС ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА В ЕС

146

Рассматриваются проблемы европейской идентичности в условиях современного кризиса в Европе. Отмечается, что Европейская идентичность конструировалась в течение длительного времени на моральных и политических основаниях. Делается вывод о необходимости пересмотра концепта европейской идентичности в условиях кризиса в ЕС и о том, что европейская идентичность не может развиваться в институциональном кризисе. Концепт европейской идентичности требует структурной реконструкции, новых оснований, поскольку прежние во многом являются завершением существовавших политических дискурсов. Прогнозируется, что смена дискурсов вокруг европейской идентичности приведет и к смене парадигмы восприятия этого феномена в политической теории.

This paper considers the problem of European identity in the conditions of the current European crisis. European identity developed over a long time on the moral and political grounds. The author arrives at a conclusion about the need to reconsider the concept of European identity in the EU crisis conditions. European identity cannot develop in an institutional crisis. The concept of European identity requires structural reconstruction, new foundations, since the old ones are, to a great degree, an extension of earlier political discourses. The author forecasts that the change in discourses around European identity will lead to a shift in the paradigm and the perception of this phenomenon in political theory.

Ключевые слова: европейская идентичность, европейский кризис, евроскептицизм, институционализм, политический дискурс Европы.

Key words: European identity, European crisis, euroscepticism, institutionalism, European political discourse.

В теме европейской идентичности сегодня возникает много противоречий, так как политические, научные и медийные сообщества не пришли к единой конвенции, которая бы задавала контуры понимания того, что есть европейская идентичность. Нужно отметить, что дискурс вокруг европейской идентичности вызывался столкновениями мнений двух научных и политических лагерей — евроскептиков и еврооптимистов. Но финансовый кризис в ЕС сделал всех еврореалистами, поставив перед единой Европой вопрос: есть ли возможности для развития европейской идентичности?

А. Яник, профессор философии Университета Инсбрука, в феврале 2012 г. высказал мысль о том, что «кризис показывает нам, насколько глубоко и полностью глобализация проникла в жизнь европейцев. Нравится нам это или нет, но что происходит в Греции, Португалии и Ирландии, происходит с нами в той или иной мере везде в Европе. Мы все в одной дырявой лодке, и лодка должна быть отремонтирована в море» [1]. Это суждение не только отразило проблемы экономики в зоне евро, но и поставило вопрос о том, насколько европейское пространство является солидарным, органично сплоченным в отношении выстраиваемой политики европейской идентичности; насколько Европа может использовать свою идентичность как моральный и социальный инструмент при выходе из кризиса.

Достаточно долгое время европейская идентичность в европейском философском дискурсе виделась как универсальное иммунное средство по профилактике и защите европейского социума от идей и практик коммунизма, национализма и фашизма. Евроидентичность стала восприниматься как панацея в исторической борьбе с прошлым. Социальный проектировщик евроидентичности Ю. Хабермас давно высказывал тезис о том, что национализм как форма культурной идентичности подвергся в Европе заметному обесцениванию, поскольку в его основание был положен социал-дарвинистский аргумент, нашедший воплощение в расовом безумии. «Поэтому преодоление фашизма образует особую историческую перспективу, из которой следует постнациональная идентичность, сформированная на принципах правового государства и демократии» [2, с. 154]. Был сделан вывод, что в целом в Европе нет никаких препятствий структурного типа для расширения гражданской солидарности в масштабе постнационального федеративного государства. Получалось, что, преодолев структурные идеологические барьеры XX в., Европа двигалась к универсальной, коллективной, наднациональной надстройке в сознании, выразившейся в итоге в концепте о европейской идентичности.

С введением Ю. Хабермасом в политический дискурс Европы понятия «постнациональная идентичность» изменилось и представление о содержании самого европейского пространства. Главная теоретическая проблема свелась к поиску структурных компонентов глобальной европейской системы. Именно они должны были занять место компонентов, локализованных национальными культурами государств-наций, из которых состоит Европа.

Европейские исследователи, особенно те, кто находится в периферийных и экономически зависимых зонах Европейского союза, очень часто задаются вопросом: «Возможна ли вообще такая вещь, как европейская идентичность? И не будет ли будущая идентичность Европы (Европейского сообщества, или Соединенных Штатов Европы) размыта среди ее участников» [3]. В политическом дискурсе 1990-х гг. европейская идентичность складывалась в основном из двух главных компонентов — приверженности либеральной экономики и демократии, которые артикулировались каждый раз в электоральном процессе стран,

недавно ставших частью ЕС или стремившихся туда. «Главные идеи, которые главенствуют сегодня в Европе, — это рыночная экономика и демократия, но по определению эта Европа несколько больше, тогда она включает в себя США, Канаду, Новую Зеландию и Австралию как европейские державы» [4]. Как быть в этом случае? Признать, что рыночная экономика и демократия — отнюдь не специфичность европейского дома и теперь они принадлежат всем, кто вышел из Европы, а поэтому европейская идентичность не может быть сцементирована только этими принципами?

Европа имеет свою историю, и не только современную, «в Европе было место не только толерантности, но и религиозным гонениям, не только демократиям, но и фашистским диктатурам, здесь изоциренно использовали идею Европейского дома для своих коллективистских целей. В Европе были идеи коммунизма, колониализма и расизма — переодетых в научные термины» [4]. Иными словами, можно сделать вывод, что европейская идентичность не может быть определена на основе только культурного наследия Европы и ее истории. Европа не всегда была только рыночной и демократичной, а это говорит о том, что еще меньше европейская идентичность может быть использована в качестве основы для внутренней и внешней политики единой Европы. Интеграция европейских государств-наций до сих пор не продвинулась так далеко, чтобы Европа стала политическим целым, и этот факт может говорить только о различии интересов в единой Европе.

Вполне возможно, что общие интересы даже уменьшились тогда, когда произошел крах коммунизма и исчезла тотальная общая угроза. Вместо этого растет потребность в национальной идентичности и суверенитете пропорционально экономическим и политическим вызовам. Особенно это стало заметно с рецессией экономики в Европе и кризисом единой европейской валюты, которые окончательно обнажили существенную разницу стран — членов ЕС, их мотивацию к самому участию в этом едином европейском проекте, а значит, и разницу во взглядах на будущее единой Европы. В европейском дискурсе сегодня распространено суждение о том, «что кажется очевидным, что еврокризис разделил континент на победителей и проигравших» [5]. Вызовы экономики подтолкнули европейских граждан не к усилению чувства «европейского патриотизма» на основе их общих политических ценностей, а скорее к сохранению национальной этнической принадлежности и языка. Европа «сшита» экономическими «швами» — в понимании ее экономических гигантов, Франции и Германии, и политическим — в понимании стран Восточной и Юго-Восточной Европы. Экономика и политика — главные столпы европейской идентичности, но вопрос остается открытым: готов ли бюргер кормить эллина в обмен на политическую риторику? И будет ли Европа единой, если бюргер откажется это делать? «Сегодня, в условиях экономического кризиса, охватившего современный мир, отношение рядовых граждан к идее европейской интеграции подвергается особенно серьезному испытанию. Способность этой идеи получить признание широких масс во многом связана

с тем, сумеют ли европейские лидеры найти совместные эффективные решения сегодняшних проблем, продемонстрировав их преимущества над попытками преодоления нынешних экономических невзгод средствами сугубо национальной политики» [20].

Европейцы долгое время желали, чтобы ЕС стал настоящим политическим союзом. «Само теоретическое обоснование европейской идентичности и ее возможности как таковой и легитимности Европейского союза следует воспринимать в связи с проектом европейской современности, который, в свою очередь, имеет свои корни в древних греческих культурных традициях» [6]. Ключ к пониманию реальности — вера в рациональные универсальные законы, восприятие прогресса как закона, понимание конфликта как ведущего к всеобщему прогрессу — лежит в основе древнегреческой и римской цивилизаций. В частности, европейская идентичность покоится именно на первоначальных греческих понятиях человеческого разума, гуманизма и демократии вместе с римским акцентом на гражданские права и технологические преобразования в науке, культуре, социуме. Эти идеи нашли возрождение во время европейского Просвещения и представляют проект европейской современности. Современный дискурс о европейской идентичности становится закономерным продолжением европейского проекта. «Этот дискурс, тесно связанный с идеей Европы, который на протяжении своей истории служил как политическая идея и идея культурного обоснования для европейского проекта» [6]. Но единая политическая Европа не получилась, по крайней мере до кризиса, как, собственно, и весьма дискуссионный характер обрело само понятие «европейская идентичность». Научное мероприятие под названием «Развитие европейской идентичности: политика и исследование вопросов», состоявшееся в феврале 2012 г. в Брюсселе, сделало программным насущный для европейцев вопрос: «есть ли общеевропейская идентичность, или существует только несколько европейских идентичностей в различных вариациях?» [7]. Вместе с тем, похоже, что Европейский союз больше не сможет руководствоваться теми императивами в игре, которые он исповедовал до кризиса внутри него. Европейская идентичность оказалась заложницей своей чрезмерной политизации.

В сущности, для многих национальных правительств европейская идентичность обреталась в двух вариантах: незамедлительное членство в ЕС, а для восточных европейцев, исповедующих этот первостепенный программный принцип своего дальнейшего развития, европейская идентичность формировалась в фокусе контриденности к советскому, коммунистическому наследию и развернувшейся русофобии в середине 1990-х гг. в Восточной Европе.

Реализуя право исторического выбора бывших участников советского блока и всячески поощряя политический дискурс, направленный на установление негативных маркеров в сторону России, ЕС как политическая структура все больше попадал в институциональную ловушку. «Уже к началу 2000-х годов стало очевидным, что институциональные рамки Европейского союза продолжают углубляться, и ЕС затрагивает все большую долю в деятельности национальных правительств го-

сударств-членов. Тем не менее в последние годы на поверхности общего европейского интеграционного проекта появились серьезные трещины» [8].

Заявка на членство в Евросоюзе стран Центральной и Восточной Европы заставила ЕС пересмотреть основы своего институционального дизайна, и в результате политических дразг выявились хрупкости институционального равновесия Европейского союза. Европейская идентичность у «младоевропейцев» не возникла автоматически с момента вступления в ЕС. Скорее даже наоборот: аванс, полученный от старой Европы, необходимо было отработать в условиях евроскептицизма, для которого Европа не равна ЕС и не равна европейской идентичности, возникшей в теоретическом дискурсе вокруг политической конструкции ЕС. «Восточноевропейские страны столкнулись с трудностями: они все еще пытаются бороться с печальными событиями из своего недавнего прошлого, которые оставили серьезные последствия, но они вряд ли просто примут модель ЕС, без адаптации ее сначала к местным реалиям» [9].

Институциональный кризис Евросоюза, кризис принятия надгосударственных решений, стал возможным уже потому, что, приняв европейское крещение, страны Центральной и Восточной Европы, а также Балтии должны были поделиться своим суверенитетом с наднациональными органами, поставив себя в ситуацию младшего партнера к европейским гигантам, чей голос в Брюсселе однозначно звучит громче. Институциональная адаптация к ЕС означала принятие концепта надгосударственного управления, что в понимании многих вело к проблеме с демократией внутри «младоевропейцев». Приобрести политическую идентичность единой Европы означало поделиться частью национального суверенитета. Стало совершенно непонятно: кто суверен в большом европейском доме? Существует ли этот большой европейский дом с равными правами и обязанностями для всех членов? Пример неоднозначных позиций по этим вопросам — евроскептицизм в Чехии. В. Клаус в свое время сделал замечание, что «не существует общего европейского дома как удостоверения личности, потому что Европа очень дифференцирована на культурные области. Таким образом, мы можем говорить о Европе лишь в некоторых общих чертах» [10]. К тому же явно неравные переговоры Чехии и ЕС на пути вступления выглядели как «похищение Чешской Республики из Москвы в Брюссель» [10]. Эта ситуация во многом оказалась схожей и в других странах. Выйти из советской идентичности и приобрести брюссельскую идентичность было стратегическим желанием новых членов ЕС и кандидатов в члены, но чем одна отличается от другой, если обе накладывают ограничения на суверенитет? «Вопрос суверенитета всё больше и больше будет подниматься в Европе, в европейских социальных обществах. Это действительно болезненная тема, она будет подниматься неоднократно и в дальнейшем» [21].

Европа, кроме неудобств с экономикой и политикой, оказалась еще и перед культурной проблемой, которая, очевидно, будет только возрастать. Культурный вопрос: что общего между латышом и португаль-

цем, кроме их участия в ЕС, — до сих пор актуален, но их национально-культурное различие долгое время компенсировала принадлежность к общей религиозной идее. Концепция европейской идентичности стала более проблематичной сейчас, прежде всего в стенах старой Европы, когда в европейском дискурсе заговорили о так называемой множественной идентичности.

«По мнению многих, современные теоретические предложения идентичности нелегко отделить. Но очевидно одно, что не существует языковой или культурной однородности даже на национальном уровне» [11]. Даже христианская идея, которая связывала преемственность европейского проекта от Рима до наших дней, сегодня оказалась бесполезной для постулирования европейской идентичности: она не может быть основана только на христианстве, поскольку последнее не способно исторически интегрировать атеистов, мусульман и евреев, доля которых в Европе будет все более значимой. Они не представляют собой культурные или национальные анклавы, они рассеяны по Европе, но считают себя европейцами, такими же неотделимыми от Европы, как немец или англичанин.

Для теоретиков европейской идентичности вообще важным становится понимание того, какой они видят единую Европу — мультикультурной (мультирелигиозной) или светской? И то и другое, очевидно, возможно в синтезе, но не родит ли этот синтез новых проблем, особенно на почве мультикультурности в религии? «Европа переживает диверсификацию религиозного ландшафта. Присутствие ислама в большинстве европейских сообществ делает его также определяющим (как и христианство. — М. Б.)» [12]. Иными словами, европейцы сегодня делают интеллектуальные и политические усилия по налаживанию своей идентичности путем создания символической и культурной основы их политического сообщества. И перспективы определения такой основы пока достаточно туманны, особенно в условиях затянувшейся институциональной евроинтеграции.

Европейский интеграционный проект уже ослаблен затяжными и неудовлетворительными дебатами по предлагаемой новой конституции, результаты которых обернулись анемией Лиссабонского договора. С тех пор (начиная с 2008 г.) экономический спад, текущих греческий кризис, проблема возможного дефолта Италии и понижение кредитного рейтинга сразу девяти стран еврозоны агентством «S&P» (Standard & Poor's), раздували пламя евроскептицизма. Главный экономический таблоид — журнал «Форбс» — тут же сделал ремарку: «вторая экономика Европы, Франция, лишилась своего наивысшего рейтинга, а Португалия упала до "мусорного" уровня» [13]. Опрос «Евробарометра» (Eurobarometer) [14], проведенный в мае 2011 г. на подходе к пику европейского кризиса, констатировал отнюдь не евроцентристские позиции граждан стран — участниц ЕС. Положительные оценки тенденций в Евросоюзе озвучили большинство респондентов только в 5 из 27 стран: Польше, Словакии, Латвии, Венгрии и Ирландии. (Заметим, что четыре из пяти последних являются восточноевропейскими участниками.) К тому же национально-ориентированные настроения перевесили в

новой европейской истории евроориентированы. Только 41 % европейцев из 27 стран ЕС выбрали для себя первичность европейской идентичности, и наоборот: 47 % назвали национальную идентичность как определяющую.

Евроскептицизм проник и в СМИ. «Кризис зоны евро привел к исчезновению всех симптомов евроэнтузиазма. Будущее дальнейшей интеграции сильно затруднено, а политики и экономисты размышляют над экономическими результатами ликвидации единой валюты. Обсуждаемые предложения, которые могут стать первым шагом в искоренении Шенгенской зоны, остаются почти без реакции общественного мнения. Стоит подумать о том, где европейцы, когда объединенная Европа действительно нуждается в них?» [15]. На повестке дня стоят вопросы «ремонта» политической системы ЕС; возможно, даже в ближайшее время могут сформироваться идеи, связанные с федерализацией Союза. Идея Соединенных Штатов Европы, никуда не исчезала из Брюсселя, а многие европейцы считают нынешний кризис возможностью для динамичного развития и реализации данной идеи, без этого сама легитимность Евросоюза в глазах европейцев смотрится неполной. «Легитимность ЕС, как и идентичность, очень тонкие вещи, и они не могут быть отделены от национального уровня демократического управления. Скорее всего, она зависит от восприятия таких "демократических" качеств со стороны ЕС, как реагирования на граждан, будь то косвенно через национальные правительства, в Совете или непосредственно через европейские представительства в Парламенте» [16]. Европейские органы управления должны стать ближе для жителя ЕС — только в этом случае он почувствует себя европейцем. В противном же случае мы увидим Европу без европейцев.

Преодоление кризиса в еврозоне должно сопровождаться институциональными и правовыми изменениями, без них эволюция Европы невозможна. Конструкция под названием «европейская идентичность» оказалась во многом под вопросом уже в тот момент, когда под нее не подвели правовой аргумент. Кто такие европейцы, если у них нет даже единых законов? «Таким образом, конституционный вопрос по-прежнему является и будет оставаться в центре европейской политики сегодня» [17]. Попытка игнорировать этот вопрос приведет к медленной эрозии европейского проекта.

В политическом дискурсе Европы с конца 1990-х — начала 2000-х гг. есть и кардинальная идея о том, «что в исторических рамках и сценариях будущего концепция европейской идентичности имеет ограниченную ценность, как и классификации человеческих существ в зависимости от этнической и расовой принадлежности, он достиг своего предела. Европейскую идентичность следует рассматривать как историческую концепцию, которая сыграла решающую роль в сложный период европейской интеграции между 1970 и 1990 годами» [18]. Концепт европейской идентичности требует реконструкции, новых оснований, поскольку прежние во многом являются завершением двух больших политических дискурсов — объединения Европы и дефицита демократии на европейском пространстве. Сегодня, когда то и другое

уже завершено, необходим качественный, политический ответ на вопрос: кто же такие *европейцы* сегодня? В современном интеллектуальном пространстве Европы, несомненно, в ближайшее время стоит ожидать появления обновленных концептов европейской идентичности согласующихся с политической и экономической повесткой дня. Сама смена дискурсов вокруг европейской идентичности приведет и к смене парадигмы восприятия этого феномена в политической науке, в которой концепт идентичности должен эволюционировать от аксиологической теории к институциональной.

Возможно, проект европейской идентичности обретет свою новую жизнь и в него вдохнут новые императивы. Современный кризис в Европе обнаружил главное: Европа до сих пор остается не единой, слишком разной и не очень уверенной в своем будущем.

Список литературы

1. Janik A. Different perception of Europe in a time of crisis Europe as an opportunity. URL: http://www.europeanideasnetwork.com/files/2012/Brussels_08_February/EINEurope_as_an_Opportunity_-_Allan_Janik.pdf (дата обращения: 13.03.2012).
2. Habermas J. Grenzen des Neohistorismus. Ein Gespräch mit J.M. Ferr i// Kleine politischen schriften. F/am-Mein, 1990.
3. Gonzalez J. European Identity. URL: http://www.europeanideasnetwork.com/files/2012/Brussels_08_February/EIN (дата обращения: 11.03.2012).
4. Karlsson I. How to define the European identity today and in the future? URL: http://www.mcrit.com/scenarios/files/DOCUMENTS/european_identity_en.pdf (дата обращения: 19.03.2012).
5. Murtic M. Crisis may cement pan-European identity. URL: <http://www.thehindubusinessline.com/opinion/article2788270.ece> (дата обращения: 16.03.2012).
6. Pasisnychenko A. In Search of the European Identity: A Return to Ancient Greek Tradition. URL: <http://athensdialogues.chs.harvard.edu/cgi-bin/WebObjects/athensdialogues.woa/wa/dist?dis=94> (дата обращения: 13.03.2012).
7. The development of European identities: policy and research issues. URL: <http://www.eubusiness.com/events/identities-12> (дата обращения: 1.03.2012).
8. Maurits van der Veen A. Determinants of European Identity: A Preliminary Investigation Using Eurobarometer Data. URL: <http://isanet.ccit.arizona.edu/noarchive/vanderveen.html> (дата обращения: 13.03.2012).
9. Gongola L.H. Western European «identity» versus eastern European «identity». URL: www.inclusionexclusion.nl/site/ (дата обращения: 10.03.2012).
10. Korniychuk A. Euroscepticism in Czech Republic. URL: <http://irdb.wordpress.com/2010/02/16/euroscepticism-in-czech-republic/> (дата обращения: 11.02.2012).
11. Gvozden V. Some Remarks on the Relationship between European Identity and the European Union /Vladimir Gvozden EU=Europe? Euroscepticism and European Identity. URL: http://www.forost.lmu.de/fo_library/forost_Arbeitspapier_45.pdf (дата обращения: 18.03.2012).
12. Slavica Jakelić Secularization, European Identity, and «The End of the West». URL: http://www.iasc-culture.org/HHR_Archives/AfterSecularization/8.12Mjakelic.pdf (дата обращения: 17.03.2012).
13. Агентство S&P понизило кредитные рейтинги сразу девяти стран еврозоны. URL: <http://www.forbes.ru/news/78378-agentstvo-sp-ponizilo-kreditnye-reitingi-devyati-stran-evrozony-v-tom-chisle-frantsii#comments> (дата обращения: 19.03.2012).

14. *Eurobarometer* surveys. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/index_en.htm (дата обращения: 23.02.2011).

15. *Project: the European*. URL: <http://liberteworld.com/2011/10/26/project-the-european/> (дата обращения: 11.02.2012).

16. *Vivien A. Schmidt* The European Union in search of political identity and legitimacy: Is more Politics the Answer? URL: <http://www.eif.oeaw.ac.at/downloads/workingpapers/wp2010-05.pdf> (дата обращения: 11.02.2012).

17. *Collignon S.* Democracy and Europe's Crisis of Legitimacy. URL: <http://www.stefancollignon.de/PDF/Europes%20legitimacy%20crisis.pdf> (дата обращения: 06.03.2012).

18. *Bo Stråth.* A European Identity to the Historical Limits of a Concept. URL: http://www.scribd.com/Euroculture_Krakow/d/67862488-A-European-Identity-To-the-Historical-Limits-of-a-Concept#outer_page_15 (дата обращения: 06.03.2012).

19. *European* Parliament election turnout 1979–2009. URL: <http://www.ukpolitical.info/european-parliament-election-turnout.htm> (дата обращения: 17.03.2012).

20. *Вайнштейн Г.* Европейская идентичность. Возникающая реальность или фантом? URL: <http://www.politcom.ru/8315.html> (дата обращения: 01.09.2012).

21. *Коровин В.* Брейвик как зеркало европейского кризиса идентичности. URL: <http://file-uf.ru/analytics/261> (дата обращения: 09.09.2012).

Об авторе

Михаил Владимирович Берендеев — канд. социол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канга, Калининград.

E-mail: MBerendeev@kantiana.ru

About author

Dr Mikhail Berendeev, Associate Professor, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: MBerendeev@kantiana.ru